

Боб ван Лэрховен

Terug naar Hiroshima – Возвращение в

Хиросиму

Tr. Larisa Biyuts

Перевод с английского Ларисы Биуюц

Пролог

остров Хасима – у причала –

Мицуко – 2 марта 1995 года

В неверном свете тускнеющей луны, почти обессиленная непрерывным рокотом прибоя, я различаю дорогу к деревянному причалу. Справа от меня огромные волны разбиваются о бетонную стену окружающую эту часть острова Хасима. Через каждые несколько метров моего нисхождения я оглядываюсь через плечо. Жизнь полная теней и страхов сделала меня невероятно чувствительной к постороннему присутствию. Невольно спрашиваю себя, знает ли Рокуробеи о том, что его приспешники, за глаза, зовут его «змеиная шея». Меня они зовут «исполинская ведьма». Они боятся меня, но я знаю, что «исполинская ведьма» не идет ни в какое сравнение со «змеиной шейей». У меня такое чувство, что Рокуробеи может в любую минуту появиться из-за выветрившихся бетонных блоков, которые прямо за причалом. У меня наготове есть куча извинений и лжи, но будет ли их достаточно, чтобы унять его гнев?

Корабль ожидает, как я и приказывала. Рокуробеи предпочитает использовать *буракуминов* из касты «нечистых» в качестве своих прислужников, а это дает мне преимущество. Капитан не посмеет обсуждать мои приказы. Сегодня днем, я ходила по направлению к берегу с книгой в руке, так что, я могу сказать Рокуробеи, что мне нравится читать при шуме волн. Когда спускалась тогда, время от времени я закрывала глаза, чтобы сымитировать темноту, которая будет затруднять мой побег.

Низко нависшее небо, пепельная луна среди беспокойных облаков, бледно-малиновых как ягоды весной. У меня рюкзак с пожитками, немного наличных денег, мои дневники и *талисман*. Я дышу учащенно, словно неистовый береговой ветер лишает кислорода. В то мгновение когда мои ноги коснулись шершавых досок причала, какой-то фонарь появился впереди, покачался туда-сюда и исчез. Это сигнал о том, что капитан ожидает меня, и все готово к отплытию. Не могу удержаться от последнего

взгляда через плечо, в сторону самого высокого жилого здания острова с орлиным гнездом на вершине. В этот самый момент, лунный свет пробился сквозь облака, и силуэт Рокуробеи стоящего у поручня крепостной стены стал виден словно сквозь увеличительное стекло. Я застываю на месте... Кажется, само время замерло вместе со мной. Но затем, я понимаю, что змеиная шея вытянута в другом направлении. На расстоянии чувствую, как глубоко он задумался над тем, кем он когда-то был и кем он стал.

Он так и не понял, что для меня остров Хасима всегда был *сакоку* -- тюрьмой.

I

*Хиросима – Исламский Центр Дамбра –
Мицуко – 10 марта 1995 года*

В поезде на Хиросиму, я начала перечитывать страницы моих старых дневников. 8 мая 1988 года я написала:

«*Рокуробеи* охотится по ночам. Не стоит недооценивать могущество этого демона. Слишком поздно тогда, когда его жертвы слышат звук его шагов и видят его длинную шею. Он соблазняет, если может, и убивает, если должен. Хотя его прозвище было *Аонобо*, когда я была ребенком, то есть поющий дух женского рода, который посещает покинутые императорские дворцы, было бы ошибкой упустить из виду истинную природу этой змеиной шеи и его способность к насилию».

Я была резвым подростком, надеющимся на возможность летать при помощи слов.

Мне остается только надеяться, что Рокуробеи не найдет меня. После побега с острова Хасима, я остановилась в Нагасаки только на пару дней, притворившись дочерью

хибакуша, выживших после взрыва атомной бомбы во время Второй Мировой Войны, чтобы объяснить мою бросающуюся в глаза внешность. Моя история выглядела вполне правдоподобно: во время взрыва той бомбы, мои родители были лишь немного старше младенческого возраста, и радиация повергла их эндокринную систему в хаос, оставив мне наследственный генетический порок. Видевшие меня люди предпочитали быть вежливо сочувствующими, а некоторые осторожно замечали, что я действительно выгляжу как типичная *хибакуша* второго поколения.

К счастью, у меня было с собой достаточно денег взятых с острова. Я даже ухитрилась бесполезно потратить и время и деньги в первые два дня, что было естественный результатом почти двадцатилетнего пленения на «острове привидений» Хасима. Хоть я и могла оставаться в курсе всех форм современного развития на большой земле, читая газеты и журналы, но адаптация оказалась гораздо более тяжелой, чем я предполагала. Хасима всего в 15 километрах от побережья Нагасаки, и Рокуробеи мог предположить, что я бежала туда. Был только один город кроме Нагасаки, где я могла бы раствориться. Хиросима. Рано или поздно, Рокуробеи вычислит меня, но сейчас у меня есть что-то вроде преимущества.

Сама судьба стала моим помощником еще в поезде на Хиросиму. Какая-то женщина в вуали, сидела напротив меня, и мы разговорились. Ее звали Микио, и она только недавно приняла Ислам. Очень серьезно относясь к своей религии, она носила вуаль, которая закрывала ее лицо и волосы. Во время нашей беседы меня осенило, что чадра может быть полезна и мне. Я симулировала мой интерес к Исламу, а Микио, как ревностный неофит, явно желала склонить меня на свою сторону. После того как мы вышли из вагона на центральном вокзале Хиросимы, она привела меня в Исламский Центр Дамбра, неброское здание в пролетарском районе города с

небольшой ярко раскрашенной мечетью. Микио поверила в мой рассказ о том, что я принадлежала ко второму поколению хибакүша. Мой рост и просторная удобная одежда скрывали мое положение, и она не сделала ни намека на это. Я сказала, что мои родители умерли, один за другим, с разницей в неделю. Ее муж, мусульманин турецкого происхождения, разрешил мне остаться в Центре, пока я буду готовиться к посвящению. Это было две недели назад, и за это время я почти не выходила на улицу, разве что ночью. Я знаю, как безжалостен может быть тот, кто гонится за мной. Я знала его на протяжении всей моей жизни. У Рокуробеи есть связи в полиции, в мире бизнеса, политики и якудза, этих шишек теневого мира. Я знаю, как он богат, и знаю о его происхождении. Как враг он грозен, а я всего лишь надломленная двадцатидесятилетняя женщина.

Последние несколько дней у меня появилось ощущение, что я скоро разрешусь от бремени. Боюсь, что Микио заподозрила что-то. Будучи достаточно благоразумной, она ничего мне не говорит, но я вижу.

Еще немного, и воды отойдут. Сегодня иду к доктору Канехари.

2

*Хиросима – Частная клиника доктора Канехари –
Мицүко и доктор Канехари – 10 марта 1995 года*

Определенно я чувствую себя в безопасности за чадрой, которая теперь закрывает мое лицо. По счастью, мусульманское население Японии небольшое и не привлекает

пристального внимания. Японцы притворяются, что им не интересно. Мы нация благоразумных людей. Я беспрепятственно шла по улицам к доктору, к которому я с умыслом записалась на позднее время. В Исламском Центре Дамбра каждый мой день был плотно занят, о чем заботятся их учителя, которые преподают бесчисленные исламские правила и практики, многие из которых достаточно спорны. Единственное время суток, которое я могу посвятить себе это ночные часы в моей комнате. Будучи единственным постоянным обитателем Центра, скоро я обнаружила, что могу довольно свободно выскользнуть из здания через боковую дверь. Найдя в телефонной книге номер доктора, я решила сказать без обиняков, чего я хочу. Сначала он смутился, услышав, что я не хочу рожать в больнице и что я не после аборта. Имея доступ к телевидению на острове Хасима и к Интернету в течение всего последнего года, я знала, что многие японские женщины прибегают к абортам по той причине, что противозачаточные лекарства нелегальны, а почти каждый практикующий врач гинеколог делает нелегальные аборты, так как это отличный источник незадекларированного дохода и сущее благословение в виду недавнего краха японской экономики.

Я сказала доктору, что как мусульманская женщина я не хочу делать аборт, но моя жизнь в опасности после того как мой муж обнаружил что мой будущий ребенок не от него, а дитя любви. Доктор проглотил эту историю. Я сказала еще что я не осмеливаюсь идти в больницу из-за страха перед моим мужем, который может найти меня. Доктор спросил, как мне удалось скрывать беременность до сих пор. Я выложила историю о том, что мой муж пробыл в Турции в течение пяти месяцев пытаясь спасти семейный бизнес и подготовить меня к воссоединению с ним на его родине. Доктор захотел знать, что я собираюсь делать с ребенком. Мой ответ был прекрасен своей простотой: моя бездетная старшая сестра обещала

заботиться о моем ребенке как если бы он был ее собственным. Кое-что не состыковывалось в моем рассказе, но разве не то же самое в любой истории и в жизни? В действительности, доктор Канехари был заинтересован только в той значительной сумме за его услуги. Перед самым уходом в его частную клинику, я подошла к зеркалу, чтобы хорошенько рассмотреть себя. Из-за моего роста, мой увеличившийся живот был едва заметен, тем более что я прибегла к помощи корсета. Спазмы казались непрекращающимися, и я молилась о том, чтобы дожить до наступления темноты.

Выносливая, я не потерялась, несясь по улицам Хиросимы с картой в руке. Сильная, но на грани отчаяния. А ночь теплая и влажная. Взглядывая на меня украдкой, прохожие подмечают мой рост и вуаль но продолжают свой путь, торопливо, погруженные в свои собственные дела, свое прошлое, свои планы на будущее.

А я лишь бледный дух без всякого прошлого.

Мое будущее находится внутри меня.

Линзы очков доктора Канехари светятся мириадами крошечных солнц, отражая свет за его спиной. «Один укольчик», говорит он.

Что? Он ведь говорил мне об искусственных родах, но ничего об инъекциях.

Я хочу приподняться и сесть на кушетке.

Слишком поздно.

Он сидит высоко над землей, в орлином гнезде, с книгой в руках. Это его любимое место для чтения и размышлений. В ясный день, из окон этого самого высокого жилого здания на

острове, видна гавань Нагасаки. Лодки проплывают время от времени, но ни одна из этих лодок не заходит в порт. Только по ночам, маленькая флотилия лодок доставляет нам все необходимое. Это заброшенное место было когда-то одним из самых населенных на земле. Наш остров всего лишь четыреста метров в длину и сто сорок в ширину, однако, пять тысяч людей когда-то проживали здесь.

Время прилива. Я стою на берегу океана, охватывая взглядом все кругом. Это самая узкая часть острова. Когда море бурное, такое как сейчас, волны разбиваясь, иногда достигают противоположной стороны. Я жду, когда море отступит, и бегу к высокому зданию грязновато-серого цвета. На первом этаже, в дневном свете Хасимы всегда все выглядит мрачно, ведь старые многоэтажки из выветрившегося железобетона мшисто-зеленого и графитно-серого цветов стоят так тесно друг к другу, что заслоняют дневной свет, а подъезд этого здания завален мусором, оставленным последней группой шахтеров, которые покинули остров двадцать лет назад. Каждый раз, когда вхожу во внутренний двор орлиного гнезда, эти пустые окна притягивают мой взгляд, напоминая о людях которые когда-то жили здесь, словно эти люди оставили после себя некую концентрированную разновидность беспокойства. Жители большой земли говорят, что здесь водятся привидения, и возможно они правы. Порой, кажется, ты слышишь голоса, возможно вздохи. Однако, это ведь старое разрушающееся здание. Когда люди оставляют жилище, они оставляют после себя следы своих деяний, мечты и желания, стены начинают покрываться язвами, потолки трескаются, окна разрушаются сами собой. Похоже, что здания Хасимы, с каждым годом, испускают все больше и больше тьмы, непонятной угрозы и чувства одиночества. Я поднимаюсь по лестнице, иду по коридорам. Большинство дверей в крошечные апартаменты отсутствуют или лежат на полу. В некоторых квартирах видны следы прежних обитателей:

порванные обои, украшенные пастельными рисунками, старый телевизор пятидесятых годов, хрупкие чайные чашки, расставленные в круг на полу. Хрупкие, замкнутые на себе признаки в грубом окружении. Я смотрю через разбитое окно: за исключением зеленых пятен зарослей плюща, все серое. Небо покрыто облаками цвета старого льда. Для того чтобы взобраться на крышу мне придется воспользоваться внешней лестницей на верхнем этаже. Море сегодня выглядит особенно угрожающим, бурное, с высокими волнами, разбивающимися о крепостные стены. Причал, к которому ночью привязывают лодки, доставляющие нам припасы, затоплен соленой водой. Достигнув крыши, я вижу его сидящим там.

Он установил экран для защиты от ветра, а вокруг его кресла книги. Одет он не в западную одежду. Его черные *хаори* и *хакама*, длинная, в складку юбка-брюки, которую когда-то носили воины, безупречны.

«Что ты сейчас читаешь?» Он заставляет меня нервничать, вот почему я не хожу вокруг да около, а он в большинстве случаев прощает мне это. Ведь мне всего двенадцать.

«Книгу одного великого английского писателя. Слушай: *Чужд подлецу закон людской и божий, А лютый зверь и тот ведь знает жалость. Не знаю жалости - вот и не зверь я*». Он ущипнул мою щеку своими длинными пальцами.

«Я хотела бы...» сказав это, я замолчала. Хотя ему за пятьдесят, его волосы все еще черные и блестящие, и они зашпилены в узел на затылке в классическом самурайском стиле. Его худое овальное лицо невыразительно, но его глаза, черные как уголь и устрашающе блестящие, изучают мое настроение. За несколько месяцев до этого разговора, я спросила его, почему его глаза всегда выглядят остекленевшими. Он ответил, что это имеет отношение к чрезмерной активности щитовидной железы или другого органа... я забыла где он находится. Он всегда подбрасывает мне золотые крупички знаний как угощение собаке.

«Ты хотела бы покинуть остров».

Я кивнула, стараясь избежать его пристального взгляда. «Я скучаю по маме и друзьям. Я хочу ходить в школу».

«От меня ты узнаешь больше, чем любая школа может тебе дать».

Я не о том. Я хотела бы объяснить ему тысячу разных вещей, но я не могу, потому что они разбросаны в моем сознании как кусочки головоломки, а я не могу собрать их воедино. «Я хочу жить».

Он легко выпрямляет свои члены. Мой рост превосходит шесть футов, но его голова и плечи выше. Все его строение слегка согбенное, а его шея, его невероятно длинная шея. Не могу оторвать от нее глаз. Моя не такая, по крайней мере до такой степени. «Жить? Жизнь это путь каждого к своей цели и преодоление самого себя».

Твоя цель не моя цель, хочу я сказать.

Он берет меня за руку и тянет к перилам. Указывает на сельский ландшафт. С этого расстояния, гавань Нагасаки в сущности не видна, только несколько выпуклых темных форм напоминают о ее существовании. Сегодня никаких судов проплывающих мимо. «Ты не животное», говорит он, «но люди будут относиться к тебе как к животному».

«И к тебе?» я говорю не подумав.

Рука на моем плече становится тяжелее.

Прошло какое-то время, прежде чем он ответил. «Ко мне тоже. Вот почему я не знаю жалости».

Когда я прихожу в себя после анестезии и видений Хасимы, текущих как вода, уступая дорогу реальности, я вижу не лицо доктора Канехари, а моего отца.

«Дочь моя...» его властный голос звучит надломлено из-за хирургической маски. Он говорит что-то о божественной

хризантеме, символе императорской династии, но из-за тяжести в голове и тошнотворной легкости в животе, мне трудно понять, о чем он говорит.

Что он делает? Он отворачивается. Я смотрю на его спину в белой одежде. Вспоминаю, я когда-то думала, что тело моего отца сделано из покрытого жилками гранита.

«Дочь моя...» говорит он, не оборачиваясь, «Неужели я сделал твою жизнь такой несчастной, что тебе пришлось рожать как животному?» Его голос звучит как голос из сна, раздражающий как из глубин какого-то бурлящего колодца. *Рожать как животное?* Я хочу ответить, но не могу. Что можно сказать, когда Рокуробеи настиг тебя?

3

*Хиросима – Монумент Мира – инспектор Такеда и его
помощник Акира – 10 марта 1995 года*

Каждый труп, с которым инспектора Такеду сталкивала его работа, заставлял вспомнить о его отце, но это обезображенное тело младенца найденного бригадой уборщиков у Монумента Мира – посвященного Садако Сасаки – напомнило ему о его матери. Когда Такеда был подростком, его мать рассказала о своем первом ребенке, которого она родила в Нидерландской Ост-Индии и которого она бросила в лагерное отхожее место вскоре после рождения в 1943 с позволения японского охранника который изнасиловал ее. Такеда, ее второй сын, избежал той же участи только потому, что она была все еще на восьмом месяце, когда женский лагерь Пангкала-Бали в Южной Суматре был освобожден после капитуляции Японии. В приступах меланхолии, Такеда пытается воссоздать Хьюберта Геррессена – имя, которое Барбара Геррессен дала ему пятьдесят лет назад и которое он больше не носит.

Такеда не знает имени своего отца. Барбара Геррессен не знала его тоже или просто никогда не упоминала. Всю свою жизнь она наводила справки о нем, «этом блудливом самце». Настроения и воззрения его матери были чрезвычайно изменчивы, обо всем, вплоть до мучений, которым японские оккупанты подвергли ее и многих других женщин в том лагере. Если вы смогли соблазнить одного из охранников, возбудив его похоть, вы материально жили лучше. Нидерландский прагматизм Барбары почти предписывал это. В результате, плодовитое лоно вздулось во второй раз. Плод предназначался для отхожего места, как и раньше, однако освобождение помешало. После лагеря, Барбара Геррессен любила и ненавидела своего сына с неимоверной силой всю оставшуюся жизнь, не вполне осознавая причины. Возможно, она слишком много думала о своем первенце.

Инспектор бездумно уставился на удлинённый кверху, как пуля, мемориал Садако Сасаке, двенадцатилетней девочке, которая стояла на мосту Мисаса, когда *Мальчи* взорвался над ее головой и отравляющая радиация накрыла большой город как одеяло. Она умерла десятью годами позднее, от лейкемии. Последний год жизни Садако провела, складывая бумажных журавликов, так как ясновидящая предсказала, что девочка выживет, если сделает определенное количество журавликов -- Такеда не мог припомнить, сколько, он только помнил, что девочка сделала много, гораздо больше требуемого количества к тому дню, когда она умерла от злокачественных образований на ее шее и в горле. Все хibaкуша подхватили эту традицию. После каждой школьной поездки, ватаги нервно хихикающих школьниц оставляли целую гору прекрасно сложенных бумажных журавликов у Монумента.

Инспектор опустился на колени перед раздувшимся комком человеческой плоти. Разноцветные бумажные журавлики кучей лежали возле крошечного трупика. Себе под нос, Такеда проклинал того, кто нашел это тело и позвонил в редакцию

желтого таблоида *Шукан Гендаи* прежде чем предупредил полицию. Должно быть, это один из уборщиков, однако каждый из них отрицал это. Такеда был уверен, что все они получили долю от вознаграждения. Такеда вычислил местного фотографа *Шукан Гендаи* и обвинил его во вмешательстве в расследование убийства и сокрытии улик с места преступления. Фотограф защищал себя настаивая на том, что он пришел единственно с целью сфотографировать Монумент, готовя материал к пятидесятой годовщине *Мальши* и тогда, в процессе, он «наткнулся на труп». Как добропорядочный гражданин, он сначала сделал снимки, а затем дал знать бригаде уборщиков. А снимки появятся на первой странице таблоида под кричащим заголовком.

«Инспектор?» С настороженными глазами и в очках с толстыми стеклами, инспектор Акира появился за спиной у Такеды вытянувшись почти по-военному.

«Да?»

«Эксперты прибыли. Им нужно ваше разрешение начать работу».

В юности, волосы инспектора Такеды были цвета, который можно было определить как нечто среднее между блондиновым и рыжим, как у его матери. Сейчас его волосы можно назвать определенно седеющими. У кожи его угловатого лица тот прочный оттенок, который отражает солнечный свет как начищенная медь. Такеда всегда считал ошибкой ту навязанную смесь рас, которая привела к его рождению. Большие, тяжелые кисти рук и ступни, широкие плотные плечи. Инспектор двигается как тренированный дзюдоист, кем он и был.

«Подожди немного, Акира». Инспектор нагнулся к крошечному трупу. Приглушенный свет под Монументом окрашивает потемневшую кожу младенца в оттенок форменной одежды. Тело выглядит как глиняная кукла, которую выпекли при слишком высокой температуре. Голова

вздутая и деформированная. Затвердевшая фиброзная ткань выступает из глазниц. Какой-то комок сырой плоти -- миндалина? -- какие-то бугры в безгубом рте. Маленькое голое тело имеет цвет и вид темного фаянса, однако промежность растянута, а белоснежный бугорок, гениталии как затвердевший белок яйца. Инспектор натягивает перчатки, но он не дотрагивается до трупа. Его рука делает мягкое движение над головой мертвого ребенка, затем над областью сердца, затем над промежностью.

Акира отворачивается. Как современный японец, он презирает такие проявления, но снова и снова суеверия преобладают и он чувствует мурашки.

Лицо Такеды остается невозмутимым, как бы вопреки утверждению его коллег насчет его шестого чувства. Просто случай, а также везенье. Тем не менее, чувство, которое охватывает его, может быть лучше всего описано как то, которое человек испытывает за мгновение перед тем, как разразится ураган. Какое-то электрическое покалывание пронзает его плечи слева направо. Он ощущает боль и тревогу такой силы, которую он не знал никогда раньше.

4

*Хиросима – Частная клиника доктора Канехари –
Мицуко и доктор Канехари – 10 марта 1995 года*

«Ложная беременность», сказал доктор. Лицо моего отца, всегда такое непроницаемое и строгое, с этими глазами, которые, кажется, смотрят вовнутрь, отказывается покинуть комнату. Оно медленно проплывает мимо как смутное пятно, но я чувствую его присутствие, и это ощущение такое сильное, что я начинаю сомневаться, что это лишь видение. Мои ноги холодные, а голова будто поймана в безвоздушный пузырь, и в то же время все мои члены напряжены, готовые к побегу.

Словно через бинокль, вижу капельки пота на лбу доктора, они светятся как кристаллы. «Что вы имеете в виду?»

Доктор взглянул на меня словно не понимая, почему я задаю вопросы. «Ложная беременность. Редкость, но женщины страдающие ею обычно так отчаянно хотят забеременеть, что они испытывают все реальные симптомы. Тошнота, временами рвота, увеличение веса, интенсивная чувствительность груди, сонливость».

«Но...»

«Вы позвали меня», говорит доктор, «Вы не хотели удаления утробного плода. Вы желали иметь ребенка и отдать его сестре. Только после того как я согласился, я обнаружил что вы не беременны».

«Но я чувствовала, как он пинался! Я разговаривала с...»

Канехари качает головой, пытается успокоить меня, а я чувствую, что он что-то скрывает. «Ложные беременности часто связаны с истерией или даже временным умопомешательством. Психоз как результат долгого и интенсивного желания». Доктор кажется удовлетворенным своим последним наблюдением.

«Почему тогда вы меня положили?»

«Стандартная процедура», Канехари складывает ладони рук, «Вы должны понять, что при данных обстоятельствах, я обязан отработать свой гонорар, в соответствии с нашим соглашением. Я полагаю сейчас вы чувствуете себя достаточно хорошо для того чтобы покинуть клинику. Теперь вы знаете, что происходит, а ваше тело скоро придет в норму. Смотрите, вздутие уже исчезло».

Я слезаю с кушетки, чувствуя только легкое головокружение, не больше. А он ведь прав: хотя мой живот не совершенно плоский, он гораздо меньше, чем был сегодня утром. Даже отеки в ногах почти исчезли. Никакой боли между ног. Да, я видела отца, когда очнулась от анестезии, но причиной могло быть одно лишь мое воображение, что вполне

обычно после действия успокаивающих лекарств. Несмотря ни на что, я все еще не доверяю ситуации. Но если Канехари и мой отец украли моего ребенка, я чувствовала бы хоть какую-то физическую боль. Почти бессознательно я ощупываю свою грудь. Очки доктора меняют направление и смотрят в сторону. Повеяло отвращением. Возможно, это опять лишь мое воображение. Напряжение, которое он излучает, ощутимо и натянуто как кожа на барабане. Возможно, он просто боится всевозможных серьезных неприятностей для себя. Украдкой я бросаю взгляд на кушетку. Ни следа крови. Все выглядит так же как до того как я заснула после инъекции. «Который час?»

«Десять часов».

«Неужели проспала девять часов?»

Канехари фыркает «Реакция некоторых людей к снотворным препаратам сильнее, чем обычно. Ничего особенного. Вы голодны? Хотите пить?»

«Хочу пить, но не голодна».

«Явно вы чересчур чувствительны к анестезии. Мы проделали требуемую процедуру. Никаких ошибок». Напряженный взгляд доктора указывает на дверь.

Не в силах размышлять. Вдруг чувствую, что я не хочу идти обратно в этот Исламский Центр, но я также боюсь находиться на улице в дневное время суток. Хватаю свою сумку. Канехари показывает мне дверь в ванную. Я умываюсь и одеваюсь. Чадру не надеваю, но кладу ее в сумку, на всякий случай. Когда я выхожу из ванной, вижу, что доктор ждет меня с руками плотно сжатыми в карманах его куртки. Молча, я отдаю ему оговоренный гонорар. Он ведет меня к выходу.

Я достаю мою вуаль. Замечаю, что он смотрит на нее. Я ловко заматываю свою голову в чадру, будучи уже чем-то вроде эксперта в этом.

Та мысль приходит ко мне у самой двери. «Почему я не видела ни одной медсестры?» говорю я, «Вы только что сказали мы. Не хотите же вы сказать, что собирались

принимать роды в одиночку ради сохранения конфиденциальности?»

Канехари не разжимает губ. Я вижу свое отражение в его очках: высокую задрапированную фигуру, которая вызывает в нем страх, отвращение и алчность.

5

*Хиросима – главный штаб полиции – инспектор Такеда и
главный комиссар Такамацу – 10 марта 1995 года*

Будучи *Орандайн* -- наполовину голландец -- Такеда был больше озабочен о своем месте в строгой иерархии японской полиции, чем его коллеги. Сразу же после осмотра места преступления, он едет в полицейский участок своего района. Главный комиссар Такамацу принимает его в своем кабинете. Такеда кланяется, главный комиссар кивает и жестом велит приступать к сути. Такеда делает подробный отчет. Как он и ожидал, комиссар всерьез озабочен. Сегодняшнее появление трупа он называет «варварским нарушением гармонии, которая царила в Городе Мира». Такеда предположил, что комиссар будет отвечать этим лозунгом, прежде чем газеты раздуют это дело. Такамацу постучал по письменному столу ножом для открывания писем. Он полагает, что Такеда был слишком либерален с фотографом из той газетенки. Затащить ублюдка в участок и вытрясти из него всю информацию! Будто сезонный фотограф, работающий на желтый таблоид, мог опасаться полицейских угроз, в то время когда он знает, что полицейские не могут до конца придерживаться своих собственных угроз. Такеда прикусывает губу, кивает и сдержанно говорит, что приказ комиссара будет неукоснительно исполнен и что он в дальнейшем будет менее щепетильным с прессой. «Всегда, Такеда!» Такамацу заговорил торжественно, «Очень скоро,

иностранцы заполонят город. Годовщина атомной бомбы! Я требую от вас эффективного и профессионального расследования, и требую результатов. Скорых! Не позволяйте этому грязному делу запятнать ваш послужной список». В углу кабинета, красовались лакированные ножны офицерского клинка времен Второй Мировой Войны на стене, повешенные там самим комиссаром. Младшие офицеры утверждали что он владеет этим оружием с мастерством и скоростью достаточными для того, чтобы крошить юзу для приправы к своему супу. И действительно, в этом кабинете все время пахнет цитрусовыми, однако Такеда уверен, что история с юзу не более чем выдумка. Типичный анекдот, один из тех, что рассказывают в подпитии после работы, когда никого из инспекторов поблизости -- Такеда исключение. Ибо Такеда всего лишь полу-иностранец. Вот почему этот инспектор сам не считает себя вышестоящим, несмотря на свой ранг.

Комиссар заканчивает беседу тирадой о «серьезных нарушениях» в общественном порядке привнесенных *шиньинруи* и их шутами, молодыми людьми которых экономический кризис бросил на произвол судьбы и которым ничего не остается кроме как слоняться и совершать преступления. Какое все это имеет отношения к мертвому ребенку, это пока тайна для Такеды, но он одобрительно кивает. Он знает, что Такамацу мечтает о карьере местного политика. Он спрашивает себя, не является ли в таком случае главный комиссар всецело в распоряжении могущественных ультра-правых организаций, которые все еще пользуются влиянием в Хиросиме -- так же как и в Токио и Осаке, имея связи даже в силовых структурах.

«Можете идти, Такеда», пролаял главный комиссар в заключение, «Не разочаруйте меня!»

Такеда кланяется и замечает, что его руки безвольно свисают по бокам.

Эти крупные руки. Руки убийцы, как говорит его жена.

Хиросима – Мицуко в поисках места для ночлега в большом городе – 11 марта 1995 года

Я не очень хорошо помню время сразу после того как я покинула клинику. Вдруг увидела неоновую близость Хиросимы. Я почти не знаю этот город, так что не уверена как на самом деле называется этот район. Я вижу себя окруженной торговыми центрами заполненным людьми примерно одного со мной возраста, слоняющимися туда-сюда. Девушки одетые пестро и ярко, часто вызывающе. С первого дня моего прибытия на большую землю, я понимала, что мое знание общества было ограничено гораздо в большей степени, чем я могла вообразить. Теоретические знания вводят в заблуждение. Только опыт формирует нас.

Еще нескольких часов, и будет темно, а я не знаю куда мне идти. К счастью, у меня с собой все мои деньги и пожитки, прихваченные с собой, так как я не смогла найти надежного места чтобы спрятать их. Но я забыла одежду.

Решаю перехватить гамбургер, в каком-нибудь месте полном громкой музыки и кричащих красок. Мой отец всегда настаивал на традиционной японской еде. Я распускаю чадру снизу, как учила Микио. Люди смотрят на меня, ну а я потупила взор и взираю на окружающее меня сквозь опущенные ресницы. У гамбургера вкус промокшего картона, кола повергла меня в уныние. Если отец прав насчет пищи, которую японцы предпочитают традиционной, может быть он прав, когда говорит, что этой стране нужен новый лидер? Я смотрю вокруг и вижу улыбающиеся лица. Не припоминаю ничего подобного этому смеху на Хасиме. Все в этом заведении торгующем гамбургерами бодрые, беспечные и уверенные в себе.

А что за гвалт! Болтовня направо и налево льется, Бог знает откуда, подобная горным ручейкам, петляя и пересекаясь сама с собой. Еще немного, и мои уши взорвутся. Кружится голова. Мне не хватает шума моря, в качестве фона, и крика чаек, но неумолимое жизнелюбие всех этих людей вокруг меня – тех, кто бежит по эскалаторам, врывается или выбегает из дверей и катит на роликовых коньках по пешеходным дорожкам -- высвобождает какое-то смутное и сильное желание внутри меня. Не хочу возвращаться в Хасиму. Хочу быть как они: носить яркие одежды, брить ноги, ходить на танцы в дискотеки.

7

*Хиросима – Даи-Ики-Кангио Банк –
11 марта 1995 года*

Автобус останавливается перед штаб-квартирой Даи-Ики-Кангио Банка в восемь вечера. «Муниципальный Департамент Уборки» написано на автобусе. Здание солидное, идеально приспособленное для важного филиала этого крупнейшего банка Японии. Деловая активность гавани Хиросимы приносит много денег. Заседание продолжается с СЕО Даи-Ики-Кангио Банка, прибывшим из Токио. Два охранника в лобби позволяют трем мужчинам с контейнерами на спинах войти в здание. Мужчины одеты в маски и белые перчатки, предписанные для работы такого сорта. Формуляр содержит слова: истребление паразитов. Внутри лобби, мужчины вытаскивают пистолеты с глушителями. Они стреляют в охранников, надевают на себя противогазы и проходят коридоры, на ходу открывая вентили в контейнерах на своих спинах.

8

*Хиросима – Мицуко проводит ночь в отеле Икава Риокан –
Добаши-Ко – 11 марта 1995 года*

Настала ночь, а я не иду на танцы. Иду в ближайший отель и снимаю комнату. Не могу уснуть, и это не удивительно. Мечусь и ворочаюсь в постели. Мне не хватает знакомых изгибов моего живота, и я чувствую себя как привидение, оказавшееся в чужом теле. Я выросла не с людьми, а с тенями и видениями легкими как чье-то дыхание сзади в то время, когда ты один. В таких условиях, девочка может создавать ее собственный мир -- мир, *в котором все имеет свое значение.* На Хасиме, книги и угольная пыль были теми вещами, вокруг которых, казалось, вращалось все мое существование. Угольная пыль была повсюду. Этот остров -- гигантская заброшенная промзона. О книгах заботился отец. Они доставлялись оптом. Когда дело касалось книг, мой отец не ставил ограничений. Маленькой девочкой я любила бродить по галечный пляжу и читать у подножия стены, которая окружала остров. Если вы смотрели с пляжа, чернеющие здания острова казались на грани падения. Люди называли этот остров *Гункан* или «линкор», из-за его очертаний. Секретность, которую излучало это место, казалась удушающей. Весь остров плотно застроен и там мало открытых пространств, если они вообще есть. Отец разрешал мне ходить на берег только в хорошую погоду, и каждый раз я нагружала себя книгами как мул. Я была без ума от книг, потому что они могли сделать мир большим или маленьким, по вкусу, вмешиваться в судьбу наций так же, как отискивать мои собственные глубоко запрятанные мысли, призрачные и неуловимые, как серебристые рыбы на дне глубокого озера.

Когда погода была плохая, я, бывало, сидела в старом кинотеатре, в котором большинство деревянных кресел были поломанными, а экран порван. Иногда я представляла себе персонажи из книг, которые читала, оживающими на экране,

разрушающими жизни свои и чужие, сражающимися друг с другом и наконец, любящими друг друга. То были моменты очень одинокие, а также вызывающие ощущение мурашек, словно моя голова могла вместить гораздо больше, чем мне хотелось бы. Все было покрыто пылью. Время от времени, ветер, не имеющий преград на своем пути, подбрасывал пыль в воздух, и она становилась какой-то фигурой перед моим мысленным взором. Тогда я быстро переводила взгляд обратно на страницу. Книги защищали меня от реальности. Припоминаю их как сонм бледных видений -- иногда истеричные, иногда утешающие, возбужденно пророчествующие, беспокойные как звуки фортепьяно в темноте. Я всегда была уверена, что сказки влияют на ум человека: они посещают области мозга, которые недоступны для рационального. Сказки заставляли людей видеть в моем отце Рокуробеи, демона из классической мифологии. Его происхождение и то, как к нему обращались, также играет роль, но главная причина, по которой он приобрел этот статус, происходит из старинных сказок и людских суеверий. Когда я была подростком, я тоже была уверена в том, что он не вполне смертный человек. Его последователи обращались к нему как к богу, и он принимал это как должное.

Память чудовищная вещь. Я могу припомнить различные моменты в моей юности, когда я была свидетелем его сверхъестественных способностей, но только после того как я прочла отчет его личного врача, я осознала правду, или должна была бы осознать. Мне двадцать один, но я все еще ловлю себя на том, что я сомневаюсь.

Ночь я провела, пытаюсь свести счеты с моим собственным прошлым. То уединенное существование, которое я разделяла с отцом, кажется, владеет мной сейчас сильнее, чем когда-либо. Осознаю, что сама эта характеристика, такая трудная чтобы быть выраженной в словах, есть то самое что делает

моего отца таким непостижимым: он как существо, внезапно встреченное во сне, и в то же время он чистейшая реальность.

Терзаюсь, размышляя о том, что мне делать дальше. Старые могущественные сообщества, которые эксплуатирует мой отец, могут действовать только тайно, однако они все еще опасны. Рокуробеи призовет каждого солдата своей сумеречной армии для того, чтобы отыскать меня. Мысленно беседую с ним и прошу оставить меня в покое. Он остается бесстрастным словно древний языческий храм. Мои мысли невольно возвращаются к ребенку, который когда-то наполнял мое нутро. Я больше не уверена, что он был в действительности.

Однако, я все еще чувствую его.

Я разговаривала с ним.

Делилась своей болью и стыдом.

Это существо было крошечным и добрым. Понимающим и прощающим.

Оно было вселенной утешения.

Доктор Канехари настаивал, что это существо никогда не существовало, а его мерцающие очки светились недвусмысленным посланием, которое я не могла расшифровать.

9

*Хиросима – Даи-Ики-Кангио Банк –
ночь с 11 на 12 марта 1995 года*

Ночная охрана прибывает в Даи-Ики-Кангио банк как обычно в 11 вечера. Офицеры секьюрити захвачены врасплох густым туманом в лобби. Сначала они находят двоих своих коллег, затем некоторых членов вечерней смены лежащих в собственных экскрементах и рвоте, с вывалившимися языками, искривленными лицами и едва видимыми зрачками мертвых глаз. Позвонили в полицию. Минуту спустя, они сами

охвачены сильными спазмами и тошнотой. Ко времени прибытия полиции, вся ночная охрана корчится на полу, судорожно глотая воздух и извергая неперевавленную пищу. Испуганные увиденным, полицейские не обращают должного внимания на аномальную влажность. Камеры видео наблюдения выведены из строя. Никаких записей. Полицейским становится нехорошо, они тоже чувствуют судороги. Через шесть минут, судороги уступили место неконтролируемым приступам рвоты. Их глаза выкатились из орбит, легкие не справляются с работой. Одному из полицейских удается воспользоваться рацией и предупредить своих товарищей. Перед входом в банк, собирается огромное количество полицейских. Все подходы к банку заблокированы. Ближе к утру, специальная команда в защитных костюмах обнаруживает то, что стало причиной отравления: ацетонциангидрин смешанный с водой и распыленный в воздухе. В контакте с водой, ацетонциангидрин весьма токсичен. Контейнеры найдены. В приемной, обнаружены мертвые тела банкиров, приехавших на заседание. Здесь камеры видеонаблюдения выведены из строя тоже. После предварительного расследования, члены элитного подразделения объявляют, что на банковские сейфы покушения не было, но только дальнейшее подробное расследование подтверждает их отчет, но есть слухи о том, что Дай-Ики-Кангио банк вовлечен во всевозможные теневые финансовые операции. Местная полиция настаивает на дальнейшем расследовании, но Национальная Гвардия не согласна. Начинаются трения. Инспектор Такеда назначен в специальную группу под командованием главного инспектора Хирасава.

Инспектор звонит жене. Становится поздно. Она принимает его сообщение с вежливостью воспитанного служащего в офисном окошке.

Такеда ковыряет зубочисткой в зубах. Он размышляет о прошлом. Он думает о настоящем. Он думает обо всем сразу. И вот, он обнаруживает: образ мертвого ребенка у Монумента Мира все еще преследует его. Почему?